

СНЫ КАРИАТИДЫ

Повесть

Ночь, Россия, Петроградская сторона северного города с нерусским названием Санкт-Петербург.

Осень, хмурое, сизое, свинцовое небо, нависающее слезливой громадиной, оплакивающее, но неумолимо втрамбовывающее, казалось, притихший город в толщу, в самую глубину, в сердце бездонных финских болот.

Пятиэтажный непримечательный дом с хлопающими на ветру дверями парадного и одной кариатидой справа от входа. Разбитый фонарь, качающийся на проводах посреди безлюдной убогой улицы в проплешинах, язвах и рубцах на влажном асфальтовом теле. Унылое подвывание отсыревшего ветра и глухо вторящий ему грохот кровельных листов на прогнившей ржавой крыше.

Среди жильцов дома ходили слухи, что когда-то раньше, может быть, еще до войны или еще раньше, у дома было две кариатиды, но потом одна из них делась куда-то. О том, куда подевалась вторая кариатида, ходили разные, часто противоречившие друг другу версии, самой достоверной из которых казалась версия, горячо отстаиваемая жильцом квартиры № 8, художником-реставратором по образованию и администратором по призванию. Жилец квартиры № 8 утверждал, что вторую, левую, кариатиду забрали на время во Францию, чтобы лепить с нее статую Свободы для американцев, но потом международная обстановка решительно испортилась и кариатида так и затерялась где-то по таможенным складам.

Жильцы дома не очень верили жильцу квартиры № 8 по многим веским причинам. Во-первых, лицо кариатиды у дома было утонченным, женственным, задумчивым и добрым. Одета она была в легкий хитон, только наполовину закрывавший ее красиво очерченную грудь. В волосах кариатиды была изящная тиара, совершенно непохожая на шипастый головной убор статуи Свободы. Но самое главное — это то, что грубо рубленое, недоброе лицо американской Свободы никак не напоминало утонченное, миловидное лицо кариатиды с задумчивым, грустным, добрым взглядом.

Жилец квартиры № 8 не сдавался. И крыл на это своим дипломом художника-реставратора, и утверждал, что вторая кариатида не была похожа на эту, а как раз была похожа на агрессивную статую Свободы! Потому-то и забрали ее, а не правую кариатиду.

Удивительно, но именно этот, на первый взгляд спорный и несуразный, довод о непохожести кариатид и имел самое действенное влияние. Споры на том временно прекращались, жильцы расходились, задумчивые, утихшие, как будто вспомнили что-то далекое, давно потерявшее свои очертания, но твердо усвоенное когда-то, проверенное и оттого не утратившее своего убеждающего бессознательного воздействия.

Что-то случилось в перекрытии парадного входа. Под перекрытие каким-то образом, наверное, начала затекать вода. И поэтому всякий раз, когда шли дожди, из глаз кариатиды текли тонкие струйки, напоминавшие слезы. Удивительным было и то, что слезы у кариатиды появлялись только осенью, хотя дождей в Петербурге в любой сезон хватает.

Жилец квартиры № 8 долго исследовал это явление, ссылаясь на диплом художника-реставратора и беспокойство за судьбу скульптуры. Им даже были разработаны, совместно с другим жильцом дома и его приятелем, строителем по профессии, несколько версий, объясняющих, почему слезы у кариатиды появляются только с приходом осени и отсутствуют в остальное непогожее время. Жилец квартиры № 8 объяснял это недостатками проекта парадного и деформацией материала, связанной с температурными атмосферными явлениями. Жильцы дома, по обыкновению, прислушивались к авторитетному мнению жильца квартиры № 8, за исключением едкого, желчного жильца квартиры № 67, который всем своим видом давал знать, что ему одному известна истинная причина происходящего, но он ничего не скажет до тех пор, пока не увидит искреннего уважения к себе со стороны жильцов дома.

Так или иначе, но с приходом осенних дождей из глаз кариатиды тонкими струйками точились слезы, повергая жильцов дома в уныние и беспокойство о ее судьбе...

* * *

В щемящей безлюдной полуночи гулко цокали и цокали железными подковами по гранитной мостовой конские копыта. Звук многократно отражался, рикошетил от стен, мостовой, высоких гранитных поребриков, от черной пустоты подъездов, и казалось, что по безлюдной улочке на Петроградской стороне движется не одинокий экипаж, а целый табун подкованных сталью коней.

Карета остановилась перед домом с кариатидой. Извозчик соскочил с облучка, заткнул кнут за пояс, снял картуз и, кланяясь, открыл дверь. В подслеповатый свет газового фонаря из кареты вышел мужчина во фраке и цилиндре, подал руку, и на свету появилась очень молодая, очень красивая женщина в шляпке с вуалью и легким зонтиком в руке.

— Ну вот, Мария Николаевна, — сказал мужчина глубоким, насыщенным, слегка скрипучим голосом, — это и есть мой новый дом.

— Красивый... — протянула низким грудным голосом женщина. — А почему у парадного только одна кариатида?

— Вторая еще не готова.

Женщина подошла ближе, внимательно разглядывая кариатиду.

— Какая она красивая! И... — женщина запнулась, подбирая слова. — И какая-то странная... — она помедлила еще немного, вгляделась, потом нашлась: — Как живая! — воскликнула Мария Николаевна.

Мужчина рассмеялся теплым приятным смехом. Рассмеялся, казалось, по-доброму, но если прислушаться, то в глубине немного скрипучего смеха что-то клокотало, слышалось нечто, будто треск пересохших сучьев под осторожной, уверенной, тяжелой ногой. От этого внутри становилось неудобно, зябко и зябко и хотелось уже не вслушиваться и гнать от себя эти догадки.

Мужчина подошел, мягко взял женщину под руку, заглянул в лицо:

— «Как живая», говорите? — мужчина еще раз рассмеялся, мельком взглянул на кариатиду. — А может быть, не «как живая», а? Может быть, просто — живая, и всё?

Женщина вздрогнула, поежилась. Мужчина крепче взял ее под руку, улыбнулся. Они еще постояли так немного, разглядывая кариатиду.

— Свободен, Семен, — обратился мужчина к ямщику, переминавшемуся поодаль. — Завтра подашь к восьми часам. Вечера!

Ведя женщину под руку, мужчина поднялся с ней на этаж, постучал тростью в дверь. Дверь открыл молодой уродливый горбун в синей рубашке навывпуск и сатиновой, купеческого фасона, жилетке. Горбун сверкнул исподлобья глазами на даму, расплылся перед мужчиной в хищной подобострастной улыбке, отошел в сторону.

— Это Дарий. Мой дворецкий. Не пугайтесь, он не такой страшный, как может показаться. Вы привыкнете, — обратился мужчина к ошеломленной женщине. — Проходите, располагайтесь. Вот это и есть мое скромное обиталище. Прошу вас извинить великодушно, Мария Николаевна, за беспорядок, я еще не совсем устроился.

Вдоль стен громоздились какие-то ящики, кипы не разобранных книг, части чудных приборов, инструменты, стеклянные банки с плавающими в жидких препаратах различными частями человеческих (!) тел.

Женщина, проходя мимо банок с препаратами, опасливо покосилась на них. Вдруг она нечаянно задела и опрокинула какую-то коробку, из которой вывалились цветастым кружевным комом какие-то вещи, а вслед за ними упали на пол и рассыпались красные коралловые бусы. Женщина вскрикнула, отшатнулась, глядя на разлетающиеся по полу крупные красные бусины...

Кариатида вздрогнула и проснулась!..

Едва занимающийся рассвет золотил верхушки тополей, железные ржавые крыши, утыканные телевизионными антеннами, и низкие редкие облака, обрывками ваты висевшие над городом. Вдруг откуда-то из-за дальних крыш показалась в небе черная точка, которая, постепенно увеличиваясь, принимала очертания быстро летящей крупной птицы. Птица, делая резкие, мощные взмахи огромными ладными крыльями, быстро приближалась. Описав над домом круг, спиралью уходящий вверх, птица набрала высоту, а потом резко спикировала вниз черной неумолимой молнией и кинулась в лицо кариатиде, истошно крича, неистово молотя крыльями, остервенело выклеывая ей глаза! Небо треснуло со звоном перекаленного стекла, и низко над домом в нем образовалась и начала медленно расплзаться рваная трещина, зияя бездонной чернотой. Откуда-то из этой бездонности, из этой пустоты донесся сдавленный, душераздирающий крик...

Сергей застонал, рванулся... и проснулся...

* * *

Жилец квартиры № 50 Парагудин слыл ушлым, проницательным малым. Пока жильцы дома сидели, вперившись в голубые экраны, ошеломленно наблюдая за быстро меняющимся политическим устройством страны, жилец Парагудин не тратил время попусту, а усваивал суть происходящего на улицах, толкаясь среди манифестирующих и наработывая жизненный опыт в стычках с противоборствующими политическими движениями.

— Пока не набьешь себе шишку — ничего не поймешь, — многозначительно говорил Парагудин, прикладывая свинцовую примочку к очередному синяку, полученному в жарких политических баталиях.

Он одним из первых, вслед за своим парторгом, вышел из коммунистической партии и перешел в партию ультраправых анархистов. Потом, опять-таки вслед за парторгом, который, как флюгер, чувствовал направление «свежего ветра перемен», Парагудин сменил еще несколько партий, пока окончательно не укоренился среди демократов, сагитировав туда же и жильца квартиры № 9-красное.

Державший чуткую руку на пульсе конвульсирующей страны, жилец квартиры № 50 Парагудин одним из первых начал заниматься коммерцией. Потерпев ряд крушений и неудач, он все-таки нашел свое место под рыночным солнцем! В двух кварталах от дома, в помещении бывшего женского общественного туалета, Парагудин открыл коммерческое предприятие под яркой, броской вывеской «ЗАВЕДЕНИЕ», и далее мелким петитом: «*будильников, наручных часов, настенных и ходиков (с выездом на дом!)*». На первых порах дела шли из рук вон плохо. Поэтому Парагудин некоторое время использовал чудом полученное помещение по его прямому назначению (из-под полы подторговывая паленным французским парфюмом в разлив и колготками с люрексом).

Позже, с появлением нового социального класса с дутыми цепями из низкосортного золота и перстнями со стразами, «заведение» стало пользоваться популярностью. То и дело можно было услышать где-нибудь на улице:

— Я только что от Парагутина!

И в ответ, не без гордости:

— Да, да! Я тоже пользуюсь его услугами!

Попав «в струю», Парагудин сумел откупить и мужское отделение. В мужской половине Парагудин открыл частную стоматологическую клинику, специализирующуюся на покрытии железных коронок под золото по уникальной конверсионной технологии («*прямо на месте и не вынимая коронок из рта заказчика!*»). Позже, когда золотые коронки и фиксы вышли из моды, клиника Парагутина освоила и другие виды покрытий. Клиентам предлагался широкий выбор, от тефлона до латекса!..

* * *

В щемящей полуночи гулко процокали по мостовой подкованные сталью копыта. Карета остановилась. Ямщик соскочил с облучка.

— Ну вот, Мария Николаевна, это и есть мой новый дом.

— А почему у парадного только одна кариатида?

— Вторая еще не готова.

— Какая она красивая! И странная.... Как живая!..

— Прошу вас извинить меня, Мария Николаевна, за беспорядок. Я еще не совсем устроился.

Женщина, в шляпке с вуалью и легким зонтиком в руке, шла вдоль стен, у которых грудями лежали многочисленные кипы не разобранных книг, части каких-то приборов, инструменты, стеклянные банки с анатомическими препаратами. Женщина опасливо оглядывалась.

Вдруг она нечаянно задела и опрокинула картонную коробку, из которой вывалился кружевной ком, а за ним — красные, кровавые, коралловые бусы. Бечева лопнула, бусы разлетелись по полу множеством крупных кроваво-красных брызг. Женщина охнула и отшатнулась.

— Ну что вы, Мария Николаевна, что вы испугались? Не беспокойтесь об этом. Дарий все приберет, — поспешил успокоить ее мужчина. — Пройдемте в гостиную, пожалуй, — предложил он. — Это единственная комната, кроме лаборатории и мастерской, которую я хоть как-то сумел обустроить.

Они расположились в креслах с витыми спинками, перед низким венецианским столиком, на который Дарий поставил поднос с чайным прибором. Мария Николаевна сидела на краешке кресла — статная, стройная, грациозная, с огромными голубыми, немного печальными глазами. Она держала в нервных, чутких, изящной лепки руках чашечку с чаем, аккуратно помещивая золоченой серебряной ложкой.

— Зачем вам эти ужасные банки с этими ужасными вещами внутри? Вы ведь художник! — спросила она.

— И не только художник, дорогая Мария Николаевна. Я ведь еще и скульптор, и естествоиспытатель.

— Да, да, это сейчас модно. Но все же? Зачем они вам? Что вы с ними делаете?

— Изучаю. Исследую. Использую. Художнику, Мария Николаевна, ему ведь нужно знать, как он устроен — предмет, который он изображает. Знать доподлинно!

— Все одно это очень ужасно. Эти банки... И это так все не похоже на те картины, которые вы рисуете.

— Я рисую разные картины. А еще я леплю. Вы, впрочем, уже видели одну из моих работ.

— Какую же? Где?

— Кариатиду у входа. По-моему, она вам даже понравилась.

Мария Николаевна вздрогнула, поежилась. Чашка с чаем задрожала у нее в руках.

— Она очень красивая, эта ваша кариатида. Я не знаю, почему, но она волнует меня, — призналась она. — Может быть, ее лицо? Оно мне что-то напоминает...

— Это не удивительно.